
Михаил АНИПКИН

СОРО́ЧЕ

Рассказ

Кирилл Вальков мечтательно откинул голову на спинку кресла. Он до сих пор отказывался верить своему счастью: самолет шел на посадку в аэропорту Куско. Позади был долгий перелет Москва—Лима с утомительными пересадками. И вот самолет местных перуанских авиалиний, завывая, приземлялся в одном из самых высокогорных аэропортов мира. Кирилл, не блатной и не мажор, смог попасть в эту группу пяти советских аспирантов из МГУ для прохождения четырехнедельной научной стажировки в архиве Куско и на раскопках в Мачу-Пикчу по приглашению перуанского Сентро де Естудиос Андинос.

Ну как группа из пяти — на самом деле из четырех. Пятым был руководитель группы — Владимир Петрович Потемкин. Старейший, лет под шестьдесят, полковник КГБ, выпускник иныза Мориса Тореза, который свозил немало официальных советских делегаций по практически всем направлениям в Латинской Америке. Но то было раньше. А сейчас на дворе ноябрь 1990 года — совсем недавно открыли СССР для свободного выезда, и Петровича снарядили в руководители группы «детей» последний раз — как говорится, «за былые заслуги», перед выходом на пенсию. Он понимал, что от него уже ничего не требуется, и поэтому «Столичной» затарился еще в Москве — в предвкушении приятного времяпрепровождения.

Рядом, прилипнув к иллюминатору, разглядывала проплывающие внизу Анды Лика Кандина. Ее папа был известным латиноамериканистом. Он много лет проработал в Мексике и Аргентине в советских торгпредствах. После ухода со службы быстро стал доктором наук и возглавил отдел в Институте Латинской Америки при Академии наук СССР.

Витя Чеканов и Костя Реклин — остальная часть советской делегации — сидели слева через проход. Кирилл считал их классическими советскими мажорами. Оба окончили МГИМО, но в аспирантуру поступили почему-то в МГУ. У Вити папа был замзав международного отдела ЦК, а у Кости — завотделом МИДа. Парни несколько лет прожили со своими родителями за границей. Костя в Испании, а Витя на Кубе, поэтому оба говорили на свободном испанском. Народ подсмеивался над Костиным мадридским произношением. В компании латиноамериканистов он часто становился объектом для шуток как «блудный сын испанского империализма». Но это было лишь от зависти — никто не говорил по-испански лучше него.

Кирилл почти не знал этих ребят до поездки. Они все поступили в аспирантуру в один год, но встречались только на лекциях по марксистской философии. С Ликой

Михаил Александрович Анипкин родился в 1972 году в р. п. Даниловка Волгоградской области. Доктор социологических наук, имеет ученую степень Ph. D. in Sociology (The University of Essex, UK). Публиковался в журнале «Неприкосновенный запас». Автор книги «Партработник». Живет в Колчестере (Великобритания).

Кирилл был знаком с первого курса. Они учились в параллельных группах, потом оказались в одном семинаре по специализации на третьем курсе. Тогда же Кирилл начал учить испанский, хотя его первым языком был английский. Он немного комплексовал по этому поводу. За два года перед аспирантурой он овладел испанским достаточно, чтобы читать специальную литературу, но разговорный оставлял желать лучшего.

«Заодно и подтянешь разговорный испанский, — сказал ему в своей напутственной речи научный руководитель Борис Федорович Мезенцев. — Когда я тебя предложил в группу, ни у кого особых возражений не было. Ведь надо же, чтобы там хоть кто-то занимался наукой», — хохоча заключил научрук. Для Кирилла эта поездка действительно напрямую была связана с темой его будущей кандидатской: «Инкское общество в первые годы испанского завоевания» — пока так широко сформулировали тему. «Потом сузим», — сказал Мезенцев.

Хоть Кирилл и не считал себя мажором, многие однокурсники завидовали ему. Еще бы — двухкомнатная квартира в одной из жилых высоток на проспекте Калинина. Квартиру им дали в 1976-м, незадолго до трагической смерти отца — заведующего лабораторией одного из закрытых московских НИИ. Кирилл тогда учился в четвертом классе. Отец погиб на рабочем месте, во время испытания какой-то установки. Мама, научный сотрудник Пушкинского музея, с тех пор воспитывала сына одна. Надо отдать должное: министерство, к которому относилось НИИ отца, до восемнадцатилетия Кирилла исправно платило половину отцовской зарплаты осиротевшей семье. Они не бедствовали, конечно, но и не шиковали. Опять же — квартира на Калинина.

Мать дала сыну все, что было в ее силах, — образование прежде всего. Вместе с тем она всегда боялась, что недостаток мужского воспитания сформирует у дитяти слишком мягкий характер — непригодный для взрослой жизни в советском обществе. На эту тему они никогда не говорили, но Кирилл и сам боялся этого интуитивно. Поэтому в восьмом классе он заявил матери, что хочет записаться в секцию карате. Тогда эти секции работали полуподпольно. Сначала мать испугалась. Сама пошла к тренеру, который ее и убедил, что это нормально.

Благодаря хорошей физической форме Кирилл без особых проблем прошел армию, куда его, как и других ребят этого поколения, забрали после первого курса университета. Мать боялась, что его пошлют в Афганистан, но, к счастью, пронесло. Таким образом, в кресле самолета, подлетавшего к Куско, сидел стройный молодой парень. Карие глаза, правильные черты лица, интеллигентный взгляд, темные волосы, подстриженные «под канадку».

Каким-то непостижимым образом пролетев через узкий коридор между горными массивами Анд, самолет приземлился в аэропорту города Куско.

— Такое впечатление, что я всю ночь пила. Голова кружится. У вас как, ребят? — зевая, спросила Лика, когда вся группа направилась к паспортному контролю.

— А может, ты и пила всю ночь, Лика-Ликовна-Ликуля! — игриво заметил Владимир Петрович.

— Кстати, да, я тоже чувствую, — озабоченно сказал Костя.

— Это, ребята, сорочче. Горная болезнь. Недостаток кислорода, — прокомментировал Петрович.

— Сорочче. Такое слово чудное. Не испанское явно, — заметил Витя. — Никогда не слышал. Откуда оно, Владимир Петрович?

— Взято из кечуа — древнего языка инкской империи. На нем до сих пор говорят некоторые местные в Андах. Через неделю привыкнем, а пока рекомендуется жевать листья коки. Но это все как мертвому припарка — поверьте мне, ребята. Лучше средство, по собственному опыту, — это здешнее пиво. А вообще-то, самое действенное —

что-нибудь покрепче. Тогда твое состояние полностью перебивает сороче, — тоном бывалого изрек Петрович.

Этим «перебиванием сороче» вся компания и занялась после заселения в гостиницу и быстрого осмотра близлежащих достопримечательностей.

Стараниями Потемкина всех разместили в одноместных номерах небольшой гостиницы в центре Куско, в пяти минутах ходьбы от площади, где стоит памятник инкам. План был такой: с завтрашнего дня, с понедельника, ребята едут до пятницы на раскопки в Мачу-Пикчу, а остальные три недели проводят в местном архиве Куско. Владимир Петрович на все время остается в гостинице.

К восьми вечера в номере у Петровича стоял плотный сигаретный дым. Две по ноль семь «Столичной» являлись несущим элементом картины командировочного загула: одна пустая на полу, вторая, наполовину выпитая, на столе, в компании оливок, колбасы и литровой бутылки кока-колы. Между стаканами с водкой и «запивалкой» красовалась доверху заполненная бычками пепельница, сооруженная из опустевшей банки из-под кильки, предусмотрительно захваченной с собой Петровичем. Все курили сигареты «Ту-134», купленные в Москве.

— Значит так, — торжественно начал Потемкин, наливая по очередной порции водки. — Парни и Лика-Ликовна-Ликуля, я сейчас выдам каждому по четыреста долларов суточных на все четыре недели.

— Ничего себе! — присвистнул Костя. — А за чей счет банкет?

— А это ты Виктора спроси, да, Вить? — подмигнул Петрович.

— Ну Владимир Петрович! — покраснел Витя.

— Неужто даже тебе отец не рассказывает, как мы помогаем дружественным партиям по всему миру? Ну ладно, — вдруг совсем официально продолжил Петрович, — мы и передадим энную сумму нашим друзьям в Перу. За вычетом суточных и гостиницу для нас. Поскольку я руководитель группы, мне положена тысяча долларов. С отцом Виктора это согласовано. Вопросы есть?

— А сколько всего мы дадим «друзьям в Перу»? — поинтересовался Костя.

— Вот этого вам знать не полагается. Столько, сколько надо. И еще. Вы ребята умные. Все понимаете. Держите язык за зубами о долларах. Понятно изъясняюсь?

— Понятно, Владимир Петрович! — дружно прокричали аспиранты, опрокидывая очередной стакан.

Лика уже клевала носом, откинувшись головой на плечо Кирилла.

— Ребят, Владимир Петрович, я пойду — отведу Лику в номер.

— Давай, Кира, отводи и возвращайся к нам, — с пьяным энтузиазмом сказал Петрович.

— Да я прогуляться хочу, если вы не против.

— Иди, только СПИД не подцепи, — гоготнул полковник.

«Как же холодно стало! — подумал Кирилл, выйдя на улицу. — Ведь было совсем жарко только час назад». Он надел теплый вязаный свитер — подарок бабушки — и пошел вверх по направлению к площади, где стоял памятник инкам. Он только что уложил Лику спать. Конечно, она ему нравилась. Но он хотел, чтобы если что-то между ними и будет — пусть будет по-трезвому.

Стало уже совсем темно. Куско весь кишел людьми. Ходили толпы американцев — их легко узнать сразу. Какие-то хиппи в шортах с немытыми волосами пили пиво, сидя прямо на тротуаре. Было видно, что они здесь давно. «Откуда у них деньги? — подумал Кирилл. — Ведь это сколько надо денег, чтобы жить здесь месяцами».

Рассматривая людей и наслаждаясь ночным небом Южного полушария, он вышел на узкую улочку с крутым подъемом в трехстах метрах от площади. Слева и справа вы-

рисовывались массивные силуэты испанской застройки, взгроможденной на фундаменте времен империи инков. Разница была очевидной — огромные каменные плиты инкской эпохи контрастировали с более мелкой кладкой периода испанского владычества.

Вдруг он увидел пожилого, хорошо одетого мужчину, явно пытавшегося подняться вверх по уличной брусчатке, но у него не получалось. Мужчина стоял, ухватившись правой рукой за каменный выступ, и натужно дышал. Кириллу показалось, что он задыхался.

— Вы в порядке? Вам нужна помощь? — по-английски спросил Кирилл, поравнявшись с ним.

— Ох, спасибо. Я не знаю, если честно, — с явным британским акцентом ответил мужчина. — Тридцать лет назад я с легкостью избегал по этой улице. А сейчас меня прямо накрыла сорочка. Я просто хотел посмотреть, действует ли еще кафе, где я был в начале шестидесятых. Оно там, в конце улицы.

— Давайте я помогу вам подняться, — предложил Кирилл.

— Ох, спасибо, но, наверное, не стоит. Я лучше пойду к себе в гостиницу.

Мужчина развернулся, попытался сделать шаг в обратном направлении, но не смог продвинуться ни на сантиметр.

— Молодой человек, ваше предложение еще в силе?

— Конечно! — ответил Кирилл.

— Тогда, может, вы поможете мне дойти до гостиницы? Она здесь, недалеко, от площади направо. И там небольшой подъем, но не такой, как здесь. Гостиница «Ла Касона инка».

— Конечно! Мне будет приятно. — Кириллу захотелось помочь этому милому пожилому англичанину, как он про себя его окрестил. «В конце концов, я тоже стану старым. И кто-то также поможет мне». — Возьмите меня за плечо, вот так. А я возьму вас.

— Мы похожи на пьяную парочку друзей, возвращающихся с хорошей попойки, — рассмеялся мужчина. — У вас славянский акцент. Вы откуда, если я смею вас спросить?

— Из СССР.

— Да вы что! Я ведь тоже из СССР, — уже на чистом русском ответил старик.

— А откуда у вас британский английский? — удивился Кирилл.

— Я живу в Англии почти тридцать лет. Но это долгая история. Как вас зовут?

— Кирилл.

— Меня Николай... Николай Григорьевич, по-вашему. Очень приятно, Кирилл.

— И мне очень приятно, Николай Григорьевич.

— Слушайте, а давайте, Кирилл, зайдём ко мне в номер — отметим наше знакомство и мое спасение вашей доброй милостью. Сейчас ведь только полдевятого. Мне как-то хочется вас отблагодарить.

— А это удобно?

— Знаете, как говорили в моей молодости, неудобно только на люстре шашлыки жарить! Конечно, удобно.

— А давайте! — неожиданно с радостью принял предложение Кирилл и подумал: «Все же лучше, чем глушить водку и слушать пьяные наставления Петровича».

Отель поразил Кирилла своей «несоветской» роскошью. Отец, конечно, водил его в гостиницу «Москва», где они всей семьей иногда обедали в ресторане по выходным. Но здесь обстановка была, как бы это сказать, «остап-бендеровской», что ли. Только белого парохода не было.

Подшли к администратору. Парень в форменной одежде со значком «Карлос» весело поприветствовал «сеньора Николая», передал ему массивный ключ от номера и поинтересовался, нашел ли он свое кафе.

— К сожалению, нет, — вздохнул Николай Григорьевич. — Я даже половины пути не смог пройти. Проклятая сороче. Вот встретил соотечественника, и молодой человек довел меня сюда.

— Ой, сеньор Николай! Не расстраивайтесь! Сороче проходит через пять дней. Вы еще сможете дойти.

— Конечно, смогу, Карлос! Смогу.

В своем просторном номере Николай Григорьевич предложил Кириллу виски.

— Вот купил пол-литра и литр «Джонни Уокера» ред лэйбл в Хитроу перед посадкой в самолет. Поддержит меня здесь неделю, — разливая в стаканы, сказал хозяин номера. — Лучшее средство для борьбы с сороче!

— А, я это уже где-то слышал, — улыбнулся Кирилл. — Спасибо. Никогда не пил виски.

— Это не самое страшное упущение, Кирилл. А хотите, вам расскажу, как я оказался на Западе?

— Да, очень интересно.

— Давайте сначала еще выпьем. За вас. Спасибо, что помогли мне, Кирилл. Вы добрый, отзывчивый человек. Знаете, мне почему-то хочется именно вам рассказать свою историю.

Николай Григорьевич опрокинул хорошую порцию виски, потом вытащил из холщовой сумки с надписью «Cambridge» блок красного «Мальборо». Предложил сигарету Кириллу. Глубоко затянулся. Налил еще. Выпили залпом.

— Это было здесь же, в 1961-м. Я и еще несколько моих коллег приехали из Москвы работать в архиве Куско. Ну и на Мачу-Пикчу тоже ездили — как же без этого. Давно хотели, но в Перу действовали не очень дружественные СССР режимы, и мы выбрали «окно», когда на тот момент относительно адекватные власти разрешили нам приехать на три месяца. С сентября по конец ноября. Я тогда только что защитил докторскую по Перу, и меня послали от МГУ. Собственно, мы там все были от МГУ.

В этот момент Кирилл начал понимать, кто перед ним сидит.

— Профессор Рокушев! Вы и есть тот самый профессор Рокушев?! Я же знаю ваши работы! Читал их в спецхране Ленинки.

— Ха, они их все-таки держат в спецхране, — усмехнулся Николай Григорьевич.

— Уже что-то начинают выкладывать в общий фонд. — Кирилл слышал историю «побега на Запад», как это тогда называлось, профессора Рокушева. Потом его книги и статьи были изъяты из общих фондов и переданы в спецхран. С 1961 года он написал бесчисленное множество статей в англо-американских журналах по Латинской Америке. Был редактором одного из них. Все его семь книг, выпущенные лучшими издательствами мира, исправно закупала Ленинка для читателей все того же спецхрана. Человек-легенда. Феллоу ов Клэр-колледж Кембриджа. Если и есть большие «звезды» в западной латиноамериканистике, то Кирилл их просто не знал. Он сидел пришибленный всей этой ситуацией.

Рокушев молчание Кирилла воспринял по-своему:

— Кирилл, вы думаете, что вам противно пить с «предателем родины». «Перебежчиком»...

— Да что вы, Николай Григорьевич, наоборот! Я не знаю, как выразить свой восторг! Я учусь на ваших работах! Вы — мой академический папа, вот кто вы для меня! Тем более сейчас другое время. А вы представляете, я ведь тоже в составе группы аспирантов из МГУ по той же программе, что и вы!

Тут настало время удивиться Рокушеву. Он разлил по бокалам остатки пол-литрового шагающего «Джонни».

— Спасибо, Кирилл, — улыбнулся Николай Григорьевич. — Приятно, что тебя хоть кто-то в чем-то считает своим папой. Ну тогда я просто обязан рассказать вам всю историю.

— Знаете, почему я решил не возвращаться в Союз? Там было много всего, но самое главное — это Оля. Олечка Редина. История любви, как в кино. Юношеской страстной любви между уже немолодыми мужчиной и женщиной. Мы на какое-то время почувствовали себя подростками. Может, это все из-за сороче. Про горные романы ходят легенды. Вы знаете, Кирилл, я думаю, людей так тянет в горы именно из-за этого. Сороче вызывает эйфорию, головокружение, обостряет чувства. Хотя в нашем случае на сороче все списывать нельзя. Роман-то длился почти три месяца. Значительно дольше пятидневного сороче. Для меня этот роман длится до сих пор.

Николай Григорьевич достал из того же холщового мешка вторую бутылку шагающего «Джонни», уже литровую. Выпили. Закурили. Рокушев продолжил:

— Тогда, в шестьдесят первом, мне было сорок четыре, Оле — тридцать шесть. Она была замужем за очень высокопоставленным партийным работником из ЦК. Он был старше ее на тринадцать лет. Замзавотделом ЦК. Знаете, Кирилл, что такое замзавотделом ЦК?

— С нами в группе сын замзава международного отдела ЦК.

— Ого! Ну я теперь представляю калибр вашей делегации. Как объяснить... Замзавотделом ЦК — это примерно уровень союзного министра, а в некоторых вопросах даже больше, поскольку ЦК отдает приказы Совмину, а не наоборот. Так вот, у Оли муж на тот момент недавно стал им и явно не планировал останавливаться... Давайте еще налью. Курите... Ну вот. Я развелся за неделю до поездки. Детей у нас с женой не было. Подавал-то я документы еще женатым. Без этого меня не выпустили бы. А за неделю до отъезда, когда заграничный паспорт был готов, это уже не имело значения. Моя жена все понимала. Она не была мелочным человеком. Не пошла в ОВИР — «настучать» на мой развод. Если пошла бы, мой паспорт тут же уничтожили бы. Мы с ней хорошо расстались.

— А вы знали ту Ольгу до поездки?

— Почти нет. Познакомились на инструктажах перед самым отъездом. Но сблизилась здесь. Я же говорю — сороче. Это, наверное, и было спусковым крючком. Мы задыхались от желания быть рядом друг с другом. Я ее впервые пригласил в то кафе, по пути куда вы меня и перехватили. Денег же не было ни черта. Ну какую-то валюту дали, но это все несерьезно. Так-то нас кормили. Я нашел дешевое, но уютное кафе на самом верху той улочки. Днем мы занимались своими темами — в основном здесь, в архиве. А ночь была наша. У каждого своя комната. Мы менялись — то ночь у нее, то у меня. Знаете, Кирилл, это все чепуха, что отношения нельзя скрыть. Еще как можно, а иногда просто необходимо. В нашем случае их надо было скрывать, чтобы не скомпрометировать Олю и ее мужа. Я уверен, что никто не видел, что с нами происходило. Люди находились в эйфории от самого факта, что они здесь. Это же для всех нас было как сон.

Рокушев налил еще. Кирилл почувствовал, что начал хмелеть. Но его увлек рассказ, и не терпелось узнать, чем же все кончилось. Кроме того, ему просто было приятно сидеть и пить виски с этим человеком.

— Однажды, за неделю до отъезда, всю нашу группу местные коллеги пригласили на Мачу-Пикчу отметить это дело. Милые гостеприимные люди. Мы там пару раз уже были на раскопках, а тут просто поехали выпить и закусить — на историческом пленэре, так сказать. Ну и в планах было остаться там с ночевкой, в палатках археологов — как раз они уехали на выходные по домам. Взяли спальные мешки. Там же теплее ночью, чем здесь. Мачу-Пикчу значительно ниже, чем Куско.

— Вот бы и нам тоже в палатках там! — мечтательно вздохнул Кирилл.

— А попросите их. Здесь, в Перу, по знакомству можно все. Ну или почти все. Как и в России.

В общем, выпили хорошо. Местные коллеги принесли несколько бутылок писко. Обычно его пьют разбавленным — с лаймом и еще чем-то. Но мы-то этого не знали и по-русски опрокидывали как водку. К концу все перепились. Расползлись по палаткам.

Мы с Олей вроде и пили, как все, но удивительным образом не спьянели. Ночь была такая хорошая! Тихо. Решили лечь под открытым небом в одном из инкских строений поблизости. Встретить рассвет, а потом перебраться в палатку. Лежим рядом в спальнях мешках. Смотрим на небо. Звезды Южного полушария. Кажется — рукой достать можно! Какой-то стереофонический эффект. И в какой-то момент у обоих покатались слезы. От счастья. Это невозможно передать словами. Как будто нас приподняла над землей какая-то сила и мы парим. Одни. Над всем миром. И так захотелось сохранить этот миг...

Захотелось оставить что-то вроде клятвы друг другу, что ли. «Я люблю тебя и посвящаю тебе свою жизнь», — вывел я автоматической ручкой на кусочке бумаги. И подписал: «Николай». Передал Оле, она добавила: «Ольга». У меня был серебряный портсигар, подаренный американцами в 1945-м. Встреча на Эльбе и все такое. Я же был одним из переводчиков советского командования. Старший лейтенант. На портсигаре была гравировка: «To Nikolay. Our dear colleague and friend». Я свернул листок бумаги в трубочку и вложил в портсигар. Завернул дважды в брезентовый чехол и засунул глубоко в свою фронттовую сумку. Взял ее с собой в Перу — складывать записи из архива. Планшет этот заложил между камнями внизу кладки. В той стене, которая смотрит прямо на вот тот самый высокий пик горы — ну она везде на фотографиях Мачу-Пикчу. Там видно, что камни тронуты, если знать, что искать. Если не знаешь, то и не найдешь никогда. Это самый крайний периметр. Надо просто пройти их несколько, и в одном будет лежать наше послание самим себе.

— А что было потом, Николай Григорьевич?

— Потом Оля возвратилась в Москву. Я поехал в британское посольство в Лиме и попросил политическое убежище. Англичане на удивление быстро дали мне добро. Я улетел в Лондон. В Кембридже тогда активно развивались латиноамериканские исследования, и меня знакомые коллеги пригласили в Клэр-колледж. Где я до сих пор живу и работаю. Вот уже двадцать девять лет. В Москве немного пошумели по поводу меня и вскоре спустили все на тормозах. Не до меня было. Тогда столько всего происходило. Да я и не Рудольф Нуреев, в конце концов. Тогда решили, что не стоит раздувать историю, поскольку я широкой публике, кроме узких специалистов, все равно не известен. И это было хорошее решение.

— А почему вы все-таки не поехали с ней в Москву?

— Мы понимали, что видеться в Москве нам было бы нельзя, а не видеться мы не могли. Я бы не смог, зная, что нахожусь в нескольких сотнях метрах от Оли, не видеть ее. Она это понимала.

— Она знала, что вы не вернетесь? Вы обсуждали с ней?

— Нет, не обсуждали, конечно. Это означало бы сделать ее «соучастницей» моего «побега» в терминах той советской юстиции. Но она поняла, что я не вернусь в Москву. Мы оба понимали без слов, что происходит. Она была очень умным человеком. Мне нравятся умные женщины, Кирилл. С ней было легко.

— Да и не было это, Кирилл, «побегом». Бегут из тюрьмы преступники. Или какие-нибудь там носители секретов, чтобы потом продать Западу. Какие секреты о со-

ветском обществе знал я? Никаких. Я им, этим обществом, никогда и не интересовался. Просто уехал жить в другую страну. Знаете, мне в какой-то момент надоело жить в Советском Союзе. Я не был антисоветчиком, и у меня была хорошая карьерная перспектива. Но просто надоело. Так бывает. Я бы и поехал обратно в Москву. Но наши отношения с Олей сделали давно созревший выбор естественным.

— Теперь и из СССР можно уезжать, — заметил Кирилл.

— Ну и слава богу! Не прошло и..., — сказал Рокушев и разлил по новой.

— И вы никогда не писали ей?

— Никогда. Это бы скомпрометировало ее и мужа, который в 1965-м стал заведующим отделом ЦК. Он принял сторону Брежнева во время смещения Хрущева. Но я следил за публикациями Оли. Через два года по возвращении из Перу она защитила докторскую. Видите — наш роман не помешал ей собрать материал в архиве Куско.

— Постойте! — воскликнул Кирилл. — Это уже мистика какая-то! Оля эта — не Ольга Александровна Редина? Профессор моего факультета?

— Она самая, — улыбнулся Рокушев.

Кирилл отказывался верить в реальность происходящего.

— Сказочная история.

— Но в жизни конец редко бывает счастливым, в отличие от сказки, — усмехнулся Рокушев.

— Можно еще вопрос?

— Конечно, можно, Кирилл!

— Бестактный.

— Давайте!

— Зачем вы сюда приехали сейчас?

— Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо выпить. — Рокушев разлил еще по одной. — Знаете, Кирилл, психологи говорят, что в районе семидесяти мужчины испытывают очередной кризис возраста — самый последний. Они это по-ученому называют «финальным кризисом идентичности». Когда вполне успешные мужики начинают копать в себе и испытывают чувство бессмысленности прожитой жизни. Знаете, такие мысли, что «я прожил жизнь зря». Хотя, допустим, пять внуков и дом в Сан-Франциско. Это свойство состоявшихся мужчин, кстати. Про женщин я не знаю. Полагаю, у них этот возрастной кризис связан с другими переживаниями.

— Вас посещают те же мысли?

— Два года назад стал замечать такое. И вы знаете, Кирилл, как я на это смотрю? Психологи в целом правы, но они ошибаются в том, что это кризис именно семидесяти лет. Просто когда писались эти работы, возраст дожития мужчин был где-то в этих пределах. Сейчас мужчины живут в среднем дольше. В развитых странах, разумеется. Поэтому моя теория заключается в том, что эти мысли приходят в голову состоявшегося мужчины не в районе семидесяти лет, а перед его смертью. То есть у кого-то в семьдесят, у кого-то в восемьдесят, а то и в девяносто. Кому сколько отмерено. Организм как бы дает команду мозгу: «Готовься к выключению». Это моя теория.

— Вы хотите сказать, что вы поняли, что скоро умрете?

— Да, Кирилл. Я так расшифровывал все чаще посещающие меня мысли о собственной никчемности. У меня был друг и коллега из соседнего колледжа по Кембриджу. Признанный профессор. Семья, жена, внуки. Все как надо. Один раз мы выпивали, и он пожаловался мне, что его стали посещать те же мысли. Мы еще долго рассуждали с ним об их природе. Он признался, что подумывает о самоубийстве. Мы оба посмеялись над этим. Потом он уехал с женой на Крит. Заплыл далеко от гостиничного пляжа. Его тело нашла береговая служба. Официальная версия — несчастный случай.

Заплыл далеко и утонул. Я уверен, что он хотел утонуть, поэтому и заплыл далеко. Но я так не могу. Боюсь воды. Я же весы — знак воздуха. Горы — вот что меня притягивает, Кирилл.

— Николай Григорьевич, то есть пожилые мужчины, испытывающие вот этот синдром бессмысленности своей жизни, хотят покончить с собой?

— Это нормально. Но только единицы реально идут на это.

— Так почему же вы здесь?

— Да все просто, Кирилл. Мне захотелось перед смертью возвратиться на двадцать девять лет назад, в 1961 год, в Куско и Мачу-Пикчу. Найти портсигар. С нашей клятвой друг другу. Развернуть тот лист бумаги. Вспомнить то небо. И как нам было хорошо с Олей... Вчера поехал на Мачу-Пикчу, но меня не пустили туда, где я оставил портсигар. Там огорожено, и туристам нельзя. Я пытался договориться — дать взятку, но это же у всех на виду. Даже перуанские служащие на это не идут.

— И вы никогда после не были женаты?

— Никогда. Как члену колледжа мне дали двухкомнатную квартиру на территории колледжа. Там такой порядок: если женишься, то съезжаешь и снимаешь жилье сам, а в колледже бесплатно. Там даже ланч бесплатный для таких, как я. Сначала у меня просто не было денег для чего-то большего. А потом, когда деньги подкопились, я стал стареть, да и менять уже ничего не хотелось. Знаете, быть старшим членом колледжа в Кембридже или том же Оксфорде — это как политбюро для ученого. Выше и комфортнее быть просто не может. Колледж о тебе заботится. Кормит, поит. И жилье бесплатно. Но одно условие: ты должен быть один. Ну вот как-то так и сложилось. Лекции, аспиранты, статьи, конференции. Дефицита общения никогда не было. Как-то и доковылял до сегодняшнего дня. Так что дома у меня нет, но все свои сбережения я уже давно завещал Оле.

Кирилл вышел от Николая Григорьевича около полуночи. Рокушев взял с него слово, что тот придет к нему в пятницу вечером, когда ребята возвратятся из Мачу-Пикчу. «Если у вас будет возможность, попробуйте все-таки найти мою сумку с портсигаром. Ориентиры я вам дал. Археологи вам точно разрешат ходить там, где туристам нельзя. Буду вам очень признателен. Я улетаю в следующий понедельник», — пожимая руку, сказал Рокушев.

По ориентирам, данным Николаем Григорьевичем, Кирилл почти сразу отыскал полевую командирскую сумку. Пятничный вечер по возвращении в Куско был точной копией того первого, когда они «боролись с сороче». С тем только исключением, что вместо «Столичной» на столе стояла литровая бутылка писко, подаренная местными коллегами. Хотя Петрович и знал, как ее пить правильно, все равно пили как водку, выдавливая лайм сразу в стаканы. По прошествии пяти дней с сороче уже бороться было не надо, но решили «закрепить успех».

Прослушав от Петровича стандартную шутку про СПИД, Кирилл выбежал на воздух и быстрым шагом направился в гостиницу к Рокушеву. В кармане брюк лежал портсигар со свернутой запиской. Кирилл проверил, что она там целехонькая, но не вынимал. Серебро портсигара почернело от времени, однако крышка открылась легко при первом нажатии кнопки. Сумку Кирилл оставил там же, между камнями. Ее не спрячь — и пришлось бы объяснять что да как.

Он был счастлив. Сердце переполняла радость, что он отыскал послание из прошлого, стал участником той захватывающей истории. Кирилл приготовил фразу, которую скажет Николаю Григорьевичу прямо с порога: «А вы не верили в сказочный конец!» И положит портсигар на стол. Как же будет рад Рокушев! Потом будут пить виски и говорить, говорить, говорить...

За стойкой администратора в «Ла Касона инка» стоял тот же Карлос, который работал в прошлый раз.

— Я к Рокушеву... Сеньору Николаю.

— Сеньор Николай умер, — сочувственно произнес Карлос. — Мне очень жаль, сеньор. Он умер на следующий день, как вы были у него. Во сне. Не выдержало сердце... Сороче.

— Как умер... Мы же договаривались... Он же должен был ждать меня. — Вальков пытался убедить Карлоса, что это ошибка, пока слова администратора не дошли до его сознания.

Кирилл вышел из гостиницы и сел на ступеньки. Он плакал беззвучно, уткнувшись в рукава свитера. «Зачем так! Почему все должно быть именно так!» Ему стало совершенно ясно, что Рокушев приехал сюда умирать. Кирилл теперь понял весь смысл того разговора.

— Сеньор, я думаю, будет правильно передать это вам, — Карлос тронул Кирилла за плечо и протянул холщовую сумку с надписью «Cambridge». Внутри лежали наполовину выпитая литровая бутылка «Джонни Уокера» и блок красного «Мальборо», без одной пачки. — Страховая компания сейчас занимается транспортировкой тела сеньора Николая в Лондон. Чемодан тоже забрали, а это оставили.

Кирилл машинально стал рыться в карманах, чтобы дать чаевые.

— Не надо, сеньор. Не стоит. Сеньор Николай был очень добр к нам.

Инга, секретарша декана, игриво посмотрела на Валькова:

— Ты что, переключился на старух? — хихикнула она, рыская по ящикам письменного стола. Кирилл ей нравился. Он всем нравился. — Зачем тебе адрес Рединой?

— Передать бумаги от перуанских коллег, — сухо сказал Кирилл.

— Да ладно, я шучу. А вообще, я бы на твоём месте присмотрелась. Вдова. Профессор. Детей нет. Шестьдесят пять лет. Трёхкомнатная квартира в цэковском доме на Сивцевом Вражке.

— Я вас жду к двум часам. Так удобно? — голос Ольги Александровны Рединой звучал хорошо поставленными профессорскими нотками.

Кирилл пришел ровно в два.

— Вы к кому? — сурово спросил мужчина за столом на входе.

— К Рединой.

Мужчина поднял трубку телефона, набрал номер:

— Ольга Александровна, к вам молодой человек...

— Вальков... Кирилл.

— Кирилл Вальков.

— Проходите, — показал рукой к лифту мужчина и что-то записал в журнале.

— Будете кофе? Я как раз сварила, — сказала Ольга Александровна, ставя чашки на стол в своей просторной кухне.

Пока она разливала кофе, Кирилл украдкой пытался рассмотреть эту женщину. Умные глаза. Стильная роговая оправа на носу. Короткая стрижка, «под мальчика». Ей идет. Каштановые волосы, очевидно красит. Прямой благородный нос. Худощавая невысокая фигура.

— Как там Перу? Ну показывайте вашу бандероль, — весело проговорила Редина.

Кирилл молча положил портсигар на стол.

Ольга Александровна сняла очки и склонилась над портсигаром. На черном серебре все так же отчетливо выделялась надпись: «To Nikolay. Our dear colleague and friend». Провела по нему ладонью. Открыла крышку и вытащила бережно свернутый в трубочку клочок бумаги.

— Откуда это у вас? — тихо спросила Редина. На Кирилла сейчас смотрели полные тоски и отчаяния глаза, в которых застыли слезы.

Пока Кирилл рассказывал, Ольга Александровна глядела в окно и курила одну сигарету за другой. Затем вышла в зал и принесла бутылку армянского коньяка. Разлила в рюмки. Потом еще. После этого закурила и тут же потушила сигарету. Сидела за столом и, словно в оцепенении, гладила пальцами клочок бумаги со слегка поблекшей от времени чернильной надписью: «Я люблю тебя и посвящаю тебе свою жизнь. Николай. Ольга». Она была там, на Мачу-Пикчу, в далеком 1961 году. Со своим Колей.

Кирилл тихо встал, вышел из квартиры и закрыл за собой дверь.